

A person in a dark jacket is walking away from the viewer on a wooden boardwalk path that leads into a thick, yellowish mist. The landscape is desolate, with a few bare trees visible in the distance. The overall mood is somber and mysterious.

18+

Сергей Савин

Аня. Сирена-3

Сергей Савин
Аня. Сирена-3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39987195
SelfPub; 2019*

Аннотация

В постапокалипсис люди – не всегда люди, кто-то перерождается в чудовищ, кто-то забывает себя, а кто-то рождается заново.

Гигант был мёртв. По его телу змеились побеги, в пустых глазницах квакали лягушки, в изломанных, беспомощно раскинутых крыльях поселились муравьи. Сломанные рёбра торчали из распоротого бока. Внутри стояла молчаливая чёрная вода. Просека, оставленная рухнувшим с небес титаном, успела основательно зарости. Там, где когда-то горела земля, теперь пробивались на свет тоненькие ёлочки.

Она жила здесь столько, сколько себя помнила. Любопытные зайцы становились её добычей, ночами она пела с лягушками и танцевала при луне на холодной спине гиганта, чтобы утром вернуться в своё уютное гнёздышко глубоко внутри огромной туши. Она была духом, призраком, последним живым болотным огоньком, теплящимся над мёртвой водой.

Иногда по ночам в ельнике двигались чёрные тени – и тогда она замирала, стараясь не дышать, потому что чувала – там бродит смерть. Утром тени всегда уходили, оставляя после себя пожелтевшую хвою, запах гнили и глубокие следы когтей на стволах.

А ещё она знала тайну. Под чёрной спокойной водой лежало то, за чем обязательно придут. Об этом ей рассказали те, кто когда-то был душой гиганта и чьи кости теперь лежали в его гулком мёртвом чреве. Их было немного, но она знала их всех по именам. Пилот, Штурман, Инженер, Солдат. Сильные, уверенные в себе мужчины: они и после смерти не переставали верить в лучшее.

– Па-та-мушта в самолёте всё зависит от винта!

Неизвестно откуда взявшаяся мелодия крутилась и крутилась в голове, а дальнейшие слова так и не вспоминались.

– ... всё зависит от винта!

Обойти бурелом, остановиться, послушать. Нет, всё чисто.

– Па-та-мушта в самолёте...

Лес тянулся и тянулся. С низкого хмурого неба мелкий дождик настукивал в капюшон. Толстый слой хвои под ногами слегка пружинил. Идти было легко и весело. В кои-то веки заказ был прост и понятен: дойти, найти, обыскать и доложить. Никаких тебе «пойди туда, не знаю, куда», даже район поиска на карте обозначили. Лепота!

Хантер снял с пояса фляжку и поболтал над ухом. Ещё на пару дней хватит. Он открыл крышку. Аромат окутал, как верблюжий плед, мягко защекотал ноздри, всколыхнул старые воспоминания. Хантер сделал ещё два вдоха, встряхнул головой и вернул флягу на место. Драгоценную жидкость нужно беречь.

Когда-то у него было имя. Кажется, что-то оканчивающееся на «слав». Владислав? Святослав? Станислав? Старые воспоминания, как полуразложившиеся трупы в мутной воде, давно потеряли очертания, вкус, запах и цвет. Остались только несвязанные между собой факты. Дома, улицы, другие люди, свет и... Да, свет он помнил. Яркий, терзавший

глаза, принёсший боль.

Хантер зашипел сквозь зубы.

Песенка. Как там дальше, про самолёты?

Он не помнил.

Метров через пятьсот деревья расступились. Под ногами захлюпало, а потом и зачавкало. Он замер и прислушался. К душистому лимонному аромату багульника примешивался запах изрядно полежавшего мяса. Ветер стих, было слышно, как капли дождя падают в омуты и постукивают по вспученной, проржавевшей обшивке.

Самолёт был на месте. Огромный военный транспорт не смогло полностью проглотить даже всеядное болото. Накрепленный корпус большей частью ушёл под воду, вскинув над поверхностью крыло, как утопающий, последним усилием умоляющий о спасении. Хантер усмехнулся: вместо помощи пришёл он.

Болото казалось мирным, но опыт подсказывал, что половица про чертей в омуте – далеко не пустые слова. Лучше немного понаблюдать. Он скрестил ноги и уселся под ближайшим деревом.

Она распахнула заплаканные глаза и лежала какое-то время, сляясь разжать кулаки, накрепко вцепившиеся в одеяло. В душной полутьме всё ещё висел отголосок её крика. Из леса снова вышла одна из теней.

Хантер напряг слух, потянул носом холодный воздух. В

самолёте явно кто-то был. Человек. Больше ждать не нужно, да и не хотелось. Внутри мёртвого гиганта его ждал приз. Несколько литров чудесной свежей жидкости. Всё барахло пусть берёт заказчик, но это, это... Хантер облизнул пересохшие губы, потом не выдержал, сорвал заветную флягу с пояса и сделал несколько глотков, захлёбываясь от жадности и сладкой боли, которую нёс с собой эликсир. Острой боли пробуждённых воспоминаний.

Сначала был свет. Палящий, невыносимый свет жёлтый сквозь веки, он не пропадал и не заканчивался, продолжал мучить бесконечно долго. Вроде вспышка на то и вспышка, чтобы длиться мгновения. Может быть, для кого-то. Горела кожа, выпадали волосы, а яркие лучи всё жгли и жгли. Долго, бесконечно, невыносимо. Он катался по земле и бился головой о стены, но пытка не заканчивалась.

И тогда он выдавил себе глаза.

Потом он долго бродил, шаря перед собой руками, натываясь на всё подряд. Он искал. Дни перестали существовать, время остановилось, растянулось в бесконечную ленту Мёбиуса.

Но он продолжал искать. Кого?

Пытался вернуться. Куда?

Хотел помочь. Зачем?

Сначала ему помогали, но людей вокруг становилось всё меньше и меньше. Они твердили о неведомых болезнях, пришедших сразу за вспышками, о том, что им надо выживать.

Говорили, что он ужасно выглядит, и что они не знают, что с ним делать. Клятый свет никуда не ушёл, он поселился внутри черепа и жёг глаза изнутри. Не давал спать, не давал думать.

Однажды они бросили его. Встали и ушли, думая, что он не слышит. Он слышал, но подыгрывал, потому что ему было всё равно. Когда вокруг стало тихо, он долго лежал неподвижно. Пока не умер.

Хантер потряс над распахнутым ртом флягой. Пусто. Ничего, скоро внутри снова заплещется благословенная жидкость.

Что было потом, он почти не помнил. Наверное, свет всё выжег. Когда он очнулся, больше ничего не болело. Свет отступил, а каждый звук и каждый запах рассказывали об окружающем больше, чем когда-то глаза. Да и с самими глазами что-то произошло – он боялся узнать, что.

Иногда свет грозил вернуться – и только свежая кровь приносила облегчение. Добывать её поначалу было нетрудно, но она будоражила воспоминания, которые были хуже, чем свет. Между глотками была только пустота. То, что когда-то было человеком, стало Хантером, охотником пустошей.

Лёгкий ветерок донёс запах страха, примешанный к болотной гнили. Сладкий запах жертвы.

– Па-та-мушта в самолёте всё зависит от винта!

Продолжая напевать, Хантер встал и пошёл вперёд. Слова дурацкой песенки отскакивали от деревьев, от травинки и от корпуса самолёта. Отскакивали и возвращались, чтобы вести вперёд – наполнять флягу.

Тень приближалась. Раньше они никогда не подходили так близко. В маленькое окошко, одно из многих в металлической туше было видно, как от дальних деревьев шёл высокий человек в высоких резиновых сапогах. У него не было ни рюкзака, ни оружия: только большая белая пластмассовая фляга колотила по бедру. Он шёл легко, хрипло напевая; из-под капюшона грязного розового пуховика торчал длинный нос. Сиплый голос напевал беззаботную песенку.

Он прыгал с кочки на кочку, беспечно обходя омуты так, словно это он жил тут всегда, а не она.

Здоровенный медвежий капкан с силой сомкнул стальные челюсти там, где только что была нога Хантера. Он остановился, запрокинул голову и захохотал. Как славно! Жертва думает, что она – охотник! Так намного веселее – к тому же адреналин сделает драгоценную жидкость куда вкуснее.

Капкан не смог задеть Тень: она на это и не рассчитывала. Когда он залаял прямо в низкое серое небо, она смогла увидеть, что в его глазницах торчат шевелящиеся белёсые отростки: то ли толстые черви, то ли хвосты глубоководных рыб. Потные ладони крепко сжимали древко, с соседне-

го кресла успокаивающе подмигивал Штурман. «Не бойся, всё будет хорошо». Конечно, будет. Болотным огням страх неведом.

Скользкий холодный металл под ладонью вибрировал. Дождь усилился: под его барабанную дробь старый корпус рассказывал Хантеру свои секреты. Груз, который так интересовал заказчиков, никуда не делся. Заветные ящики сорвало с креплений, но сами они целы, лежат себе под водой, целы и невредимы. В пилотской кабине шебуршилась мелкая живность. То ли крысы, то ли опоссумы. Зверьки нервничали, чуяли охотника. Самое интересное было наверху, на пассажирской палубе. Сердце добычи колотилось о рёбра, разгоняло по венам священную жидкость, густо приправленную сладким адреналином. Пальцы Хантера задрожали в предвкушении.

Он скользнул внутрь полузатопленного грузового отсека. При падении самолёт сильно накренился вперёд: до лестницы в конце длиннющего ангара, ведущей на верхние палубы, Хантер добирался по грудь в воде. Хорошо, что самолёт такой огромный. Чтобы его полностью утопить, понадобилось бы как минимум море, а не какое-то жалкое болото. Морщась больше от неудобства, чем от холода, он стащил набравший воды пуховик и аккуратно пристроил его на выступавший из воды ящик. Сверху поставил сапоги.

Ржавая лестница ныла, но держала хорошо. Хантер облиз-

нулся. Добыча была совсем рядом.

Узкое жало ударило в пустоту там, где только что была голова Тени. Ещё выпад и ещё один. Мимо. Тень залилась своим лающим смехом. Черви на бледном лице ритмично фосфоресцировали в полутьме.

Она отскочила на несколько шагов назад – к двери в следующий отсек – выставила перед собой копьё, повела им из стороны в сторону.

Тёмная фигура метнулась вперёд. Копьё, с силой вырванное из рук, жалобно зазвенело по полу.

Сознание заволокла мутная красная пелена, в ушах бился бешеный барабанный стук сердца жертвы. Хантер пошёл вперёд. Желание распирало, рвалось наружу, он балансировал на его грани, оттягивая миг высшего счастья, когда под его руками будет расходиться ещё живая плоть. Он не спас никого тогда, давно – проклятый свет взял у него всё. Теперь его, Хантера, очередь брать всё, что хочется.

Тень медленно шла к девочке, забившейся между сиденьями в глубине пассажирского отсека. Она сжалась в комок и зажмурилась. Губы её кривились, по лицу текли слёзы, распахнутые глаза никак не могли оторваться от чёрного силуэта.

– Нееет! П-п-пож-пожалуйста! – горло, отвыкшее от человеческой речи не слушалось, перевирало звуки.

Он пах болотной водой и смертью. И приближался. Мед-

ленно, неотвратимо. Черви в глазницах набухли и больше не шевелились, только напряжённо тянулись к ней.

– Мама! Папа!

Болотные огни не знают страха. Но это рыдал не болотный огонёк, не ночной призрак. Человек.

– Мамаааа!

Хантер замер.

Папа? Да, когда-то он был отцом, он должен был тогда что-то сделать. Но проклятый свет отнял всё.

Мама? В памяти всплыл образ белокурой женщины с небольшим свёртком на руках.

За глазами вспыхнула боль. Они мертвы, давно мертвы. Как и он сам, как и этот мир. Всё, что осталось – драгоценная жидкость. Вперёд!

Половина головы Хантера взорвалась, обдав девочку воючими брызгами. Следующая пуля отбросила его в кресло – он рухнул и раздавил кости Штурмана. Перед девочкой в луже крови на полу извивался длинный белый червь, а его собрат медленно сползал по груди того, кто ещё секунду назад был Тенью.

Она поднялась и изо всех сил наступила на мерзкую тварь. И топтала, топтала, топтала до тех пор, пока окончательно не смешала дрянь с чёрной кровью.

Когда она подняла глаза, то увидела ещё одну Тень.

Эта была другая. С гладким стеклянным лицом, закованная в броню, в странном жилете с множеством длинных карманов. На правом плече Тени шипела коробочка.

– Лис, что там у тебя?

Стекло на голове Тени поехало вверх, открыв суровое мужское лицо.

– Всё в порядке. Объект нейтрализован, маячок я с него сейчас сниму. Коллеги, тут девчонка годов десяти. Девиаций не наблюдаю, полевой сканер регистрирует повышенный пси-индекс. Ну, оно и неудивительно. Предлагаю забрать на базу, не бросать же её, – сказал Тень в коробочку, а потом снова посмотрел на девочку.

– Кто ты? Как тебя зовут?

Она помотала головой и вжалась в спасительное пространство между кресел.

Коробочка вновь ожила.

– Наверное, это кого-то из экипажа. Судя по нашим досье, у штурмана Прокопенко была маленькая дочь. Ваш запрос одобрен: девочку забираем.

– Понял.

Тень протянул руку.

– Я Павел Алексеевич, можно просто – дядя Паша. Приятно познакомиться. Всё хорошо, не бойся. Не хочешь имя говорить? Или не помнишь? Ладно, – Тень осмотрелся по сторонам и ухмыльнулся. – Найдена в Ан-124. Значит, будешь Аней. С днём рождения.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии СС0.